

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jęgor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

ANDRZEJ DUDEK

KRAKÓW, UNIWERSYTET JAGIELLOŃSKI W KRAKOWIE

Между мгновением и вечностью

Временные аспекты картины мира
в творчестве Дмитрия Мережковского

Between a Moment and Eternity. Temporal Aspects of the Worldview
as Reflected in the Works by Dmitrii Merezhkovskii

Abstract: The four key aspects important as far as D. Merezhkovskii's thoughts on time are taken into account in the article: a) psychological treatment of time, b) attempts at conceptualization of time flow, c) the hermeneutics of eternity, d) time as the fundamental issue in theory and history of art and literature. The writer creates universal images of heroes experiencing the feeling of non existence of time due to some psychological circumstances related to ecstasy, fear, rapture. Works by Merezhkovskii depicting several cultures presented in crucial moments of development stressed visible attempts to express the idea of time, fill the time with special meaning, up to the conviction of possibility to control the time. A special role of units of time measurement and methods of establishing the system of holidays in several cultures presented in the works by the Russian writers are taken into account. Special attention is paid to the cycle of essays *Eternal companions* (*Вечные спутники*) developing writer's method of revealing universal values reflected in the texts of the past times by means of "subjective criticism". According to Merezhkovskii the style and the structure of literary heroes personality should be regarded the most important manifestations of the time spirit in art and literature. Metaphysical relationship between moment and eternity are being stressed especially in such work as *L. Tolstoy and Dostoevskii* (*Л. Толстой и Достоевский*) and *Jesus the Unknown* (*Иисус Неизвестный*).
Keywords: D. Merezhkovskii, time, eternity, subjective criticism, Silver Age

Наряду с другими представителями русского религиозного Ренессанса, Дмитрий Мережковский, уделяет много внимания временным аспектам мира. Мотивы и формы концептуализации времени в творчестве автора *Царства Антихриста* оказываются существенными проблемами его ли-

тературной антропологии. В сюжетных и повествовательных формах писатель обращает внимание на четыре аспекта восприятия и концептуализации времени.

Психологическое ощущение времени

Строя картины разных исторических эпох, Мережковский конструирует образы персонажей, которые под влиянием экстатических переживаний (например радений хлыстов, представленных в романе *Петр и Алексей*¹), погружения в философские размышления [*Александр I*, VIII, 37], однообразия обстановки и чувства страха о судьбе близких, ощущаемых в тюремном заключении², созерцания красоты мира и искусства (кесарь Юлиан, восхищенный изваянием Афродиты³), теряют способность замечать обстоятельства. Их сознание не фиксирует существования окружающего мира. Таким образом, из-за неучтения разнообразия и динамики стимулов внешней действительности, герои субъективно ощущают приостановление хода времени: „Каждая минута казалась вечностью” [*Александр I*, VIII, 130], „как будто не было для него ни прошлого, ни будущего, и время остановилось” [*Воскресшие боги. Леонардо да Винчи*, III, 222], „Время остановилось. Все исчезло” [*Антихрист (Петр и Алексей)*, V, 256].

Кроме представления универсального, психологического механизма потери чувства времени, регрессивного самозабвения и затраты ощущения обособленности своего „я”⁴, в текстах Мережковского встретимся также с разными попытками концептуализации времени – вплоть до осознанного убеждения в возможности овладеть им.

¹ Д.С. Мережковский, *Антихрист (Петр и Алексей)*, [в:] его же, *Полное собрание сочинений в 24 т.*, т. 5, Москва 1914, с. 253–254. Если не указано иначе, далее ссылаюсь на это издание, определяя в тексте том, заглавие произведения и номер страницы.

² См. Д.С. Мережковский, *14 декабря*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 4, Москва 1990, с. 206.

³ „Юлиан смотрел ненасытно. Время остановилось” [*Смерть богов. (Юлиан Отступник)*, 1, 34].

⁴ См. J.T. Fraser, *The Study of Time*, [in:] *Proceedings of the First Conference of the International Society for the Study of Time*, ed. by J.T. Fraser, F.C. Haber, G.H. Müller, Berlin – Heidelberg – New York 1972, p. 491.

Попытки концептуализации времени

В изображенной в текстах диахронической картине мира, писатель обращает внимание на то, что люди разных культур испокон веков старались навести доступный их познавательным возможностям порядок, являющийся „орудием ориентировки” и „системой соотнесений”⁵ в осязаемой динамике явлений. Инструментом, который помогал структурировать поток явлений был праздник. В антропологических исследованиях обращается внимание на несколько функций, выполняемых праздником по отношению к личности и сообществу. Особенно важными являются: а) обращение внимания на вписанный в жизнь человека принцип цикличности; б) осмысление жизни человека и общества путем напоминания о существенных для них нормах и ценностях; в) углубление и утверждение связей между людьми; г) стимулирование творчества; д) концептуализация, синтезирующая значение прошлого, настоящего и будущего для переживающего праздник сообщества; е) праздник это пора проявления особого типа радости, имеющей очистительное, катартическое значение и поэтому, отличающейся от будничных развлечений; праздник оформляет способ переживания и проявления эмоций; ё) праздник помогает снести и умиротворить конфликты⁶.

В исследуемом материале обращает внимание факт, что в любой, представленной писателем культуре (независимо от пространственных и диахронических ракурсов изображения), праздник был не только дискретной единицей в потоке явлений, но отличался также стремлением выполнить установленные хронологические рамки небудничной, сакральной и квазисакральной активностью, исполненной возвышенной установки, т. е. был своеобразной „метафизикой в действии”⁷. Таким образом, календарь отражал свойственную данной культуре систему ценностей. Изображенные Мережковским праздники, отмечаемые в разных культурах, сочетаются с осязаемым человеком ритмом природы, или религиозным культом. Участвуя в установленных таким способом праздниках, человек признавал свою зависимость от внешних, высших сил. Это идея, вписанная в картину мира, представленную в *Египетской дилогии* (романы: *Рождение богов*. *Тутанка-*

⁵ См. N. Elias, *Über die Zeit*, Frankfurt 1984. Я пользуюсь польским изданием: N. Elias, *Esej o czasie*, przeł. A. Łobożewicz, Warszawa 2017, с. 56, 90-91.

⁶ См. L. Dyczewski, *Święto i jego kulturotwórcza rola*, „Kultura i Społeczeństwo” 2012, № 4: „Świętowanie i styl życia”, с. 4-9.

⁷ См. J. Duvignaud, *Le don du rien. Essai d'anthropologie de la fête*. Пользуюсь польским изданием: J. Duvignaud, *Dar z niczego. O antropologii święta*, przeł. Ł. Jurasz-Dudzik, Warszawa 2011, с. 209-211.

мон на Крите и Мессия)⁸, а также в романе *Смерть богов* (Юлиан Отступник) [I, 267-268, 274].

Как доказывает история культуры, отмечаемые сообществами праздники иногда оказывались искусственными проявлениями волюнтаризма власть имущих, убежденных в необходимости подчеркнуть новый, учрежденный ими цивилизационный порядок. Примерами таких абстрактно установленных, новых праздников, представленных в творчестве писателя были и Петровские ассамблеи, и декретированный царем праздник в честь Венеры, и кошунственные заседания Всепьянейшего и всешутейшего собора⁹, [Антихрист (Петр и Алексей), IV, 179-180; IV, 17-19]. Новые празднества, сценарий которых был подробно регулирован указами, стали, с одной стороны, формами государственного утверждения необходимости почитания античных ценностей и подражания западным обычаям, а также – орудием борьбы с авторитетом Церкви как носителя памяти о допетровской эпохе, с другой¹⁰. Иллюстрацией царского волюнтаризма в упомянутом произведении является мнение Петра I: „Время подобно железу горячему, которое, ежели остынет, не удобно кованию будет” [Антихрист (Петр и Алексей), IV, 122]. В петровском желании овладеть временем¹¹, подчеркивается, с одной стороны, убеждение в возможности использовать данный исторический момент, наполнить жизнь, выпавшую как раз на конкретный отрезок потока явлений деяниями, которые преобразуют действительность, а с другой стороны, как подчеркивает Мережковский, царь был убежден в том, что, невозвратный ход времени образует неповторимый шанс провести запланированные намерения: „Пропущение времени смерти невозвратной подобно” [Антихрист (Петр и Алексей), IV, 122]. Заметное в мышлении Петра I линейное восприятие времени, отражающее свойства сознания человека новой эпохи, обосновано убеждением в необходимости контроля подвластной ему действительности, подробного регулирования любого аспекта жизни в его мельчайших проявлениях. Царская установка лично контролировать

⁸ См. А.В. Лавров, *История как мистерия. Египетская диалогия Д.С. Мережковского*, [в:] Д.С. Мережковский, *Мессия*, Санкт-Петербург 2000, с. 15.

⁹ См. В. Живов, *Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы*, Москва 2004, с. 52.

¹⁰ См. W. Serczyk, *Piotr I Wielki*, Wrocław 1990, с. 205-207.

¹¹ См. В. Живов, *Из церковной истории...*, с. 40. Исследователь, комментируя декретированный царем новый способ летосчисления, замечает: „Для носителей традиционной культуры перемена календаря означала, что царь украл восемь месяцев у Господа Бога: 7208 год длился четыре месяца. Петр тем самым демонстративно объявляет себя владельцем времени, т. е., действуя как антихрист, приписывает себе божественные права (...)”.

все, отражала заметную в XVIII веке идею замены сакрального идеала – идеалом „регулярности”¹².

В распространенной на разные эпохи и пространства картине мира, заключенной в творчестве Мережковского, существенным является факт, что в представленные моменты религиозных и цивилизационных сдвигов, вводятся календари с новой системой праздников, отражающих паттерны культуры, соответствующие антропологической идее, проповедуемой новоустановленной властью. В этом ракурсе, следует обратить внимание на свойственный писателю метод обоснования общей картины данной эпохи в согласии с уровнем научных знаний, свойственных времени работы Мережковского над текстом, посвященным конкретной эпохе¹³.

Рассматривая религиозную и культурную функцию праздника, надо обратить внимание на его как культурное, так и политическое значение. Праздник всегда подчеркивал убеждение властей в прочности данной культуры и намерение укрепить в сознании общества мысль об ее продолжительности. Как заметил Герардус ван дер Леув, суть праздника – выделенного отрыва в потоке времени – в том, что он продолжается, ведет к очередному празднеству¹⁴. В анализируемом творчестве, кроме упомянутых нововведений эпохи Петра I, в такой функции выступают сюжеты религиозного переворота в Египте времен фараона Эхнатона и информация о культурных последствиях французской революции и новых праздниках во время наполеоновской эпохи¹⁵. Их общей чертой, кроме рьяной активности аппарата властей, создававшего материальные и символические основы для новых праздников, было также нарочитое пренебрежение памятью об отмененных торжествах („[Тутанкамон] начал восстанавливать по всему Египту храмы

¹² См. Ю.М. Лотман, *К семиотической типологии русской культуры XVIII в.*, [в:] его же, *История и типология русской культуры*, Санкт-Петербург 2002, с. 86.

¹³ Зинаида Гиппиус заметила в биографии Мережковского, что автор Юлиана Отсупника очень тщательно готовился к разработке каждой темы. В этом плане, своей систематичностью он напоминал ученого. Описывая время работы над египетской диалогией, Гиппиус замечает, что из разрешения директора городской библиотеки в Берлине, писателю на тачках доставляли в личную квартиру нужные тома исследований. См. З.Н. Гиппиус-Мережковская, *Дмитрий Мережковский*, Париж 1951, с. 60-61. О творческом методе Мережковского см. также: Е.А. Андрущенко, *Властелин „чужого”: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского*, Москва 2012; А.А. Холиков, *Прижизненное „Полное собрание сочинений” Дмитрия Мережковского. Текстология. История литературы. Поэтика*, Москва – Санкт-Петербург 2014.

¹⁴ См. G. Van der Leeuw, *Phänomenologie der Religion*, Tübingen 1956. Я пользуюсь польским изданием: G. Van der Leeuw, *Fenomenologia religii*, przeł. J. Prokopiuk, Warszawa 1997, с. 346.

¹⁵ См. Д.С. Мережковский, *Мессия*, [в:] его же, *Мессия...*, с. 373-374; Д.С. Мережковский, *Наполеон*, [в:] его же, *Данте. Наполеон*, Москва 2000, с. 465.

Амона, воздвигал ему кумиры из чистого золота, умножал дары и дани, возобновлял жертвы и празднества. А храмы Атона разрушал, имя его истреблял всюду. [...] Память царя Ахенатона была проклята”¹⁶).

В контексте приводимых в анализированных произведениях мотивов календаря и летосчисления, Мережковским подчеркивается особая функция годовщин, являющихся в новой истории источниками культурной и идейной идентичности сообществ. Такую роль в романе *14 декабря* играют воспоминания дат 1812 и 1825 годов¹⁷.

Таковыми же, отраженными в произведениях Мережковского, попытками ответить на вопрос, заданный Блаженным Августином „что же такое время”?¹⁸, являются мотивы солнечных, водяных и механических часов, которые, как видим в романах писателя, оказывают все сильнейшее влияние на поведение человека, требуют от него учтения всех точнейших измерений времени. Оказывается, что по мере приближения к нашей современности все более краткие, точно установленные промежутки времени играют существенную роль в жизни человека и общества¹⁹. При огромном диапазоне эпох, отраженных в творчестве Мережковского, эта особенность культурной истории восприятия времени становится очевидной. Представляя мир древнего Египта, писатель приводит в высказывании повествователя свойственный этой культуре способ временной локализации событий, опирающийся на учтении периода царствования данного фараона²⁰: „В четвертый год царствования покинул он древнюю столицу Египта, Нут-Амон, Фивы, и основал новую”²¹. Упомянутый „монументальный” принцип древнеегипетской периодизации, соотносясь с потусторонним миром и стремлением сохранить информацию для вечности, связан с характером древнеегипет-

¹⁶ См. Д.С. Мережковский, *Мессия...*, с. 373-374.

¹⁷ Сергей И. Муравьев-Апостол (герой романа *14 декабря*) в своих записках говорит „Мы – дети Двенадцатого года. [...] Двенадцатый год – начало Двадцать пятого”. См. Д. Мережковский, *14 декабря*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 4, Москва 1990, с. 217.

¹⁸ В подлиннике: „Quid sit tempus?”. См. Augustinus, *Confessiones*, XI, 14. См. Sancti Aurelii Augustini, *Confessiones*. Блаженный Августин, *Исповедь*, пер. М.Е. Сергеенко, отв. ред. Н.Н. Казанский, Санкт-Петербург 2013 (Серия: *Литературные памятники*) с. 183.

¹⁹ См. G.J. Whitrow, *Time in history: views of time from prehistory to the present day*. Пользуюсь польским переводом: G.J. Whitrow, *Czas w dziejach. Poglądy na czas od prehistorii po dzień dzisiejszy*, przeł. B. Orłowski, Warszawa 2004, с. 248-249.

²⁰ Можем предполагать, что для Мережковского источником информации в этом случае был написанный по-гречески трактат *История Египта* египетского историка Манефона, который жил в III веке до Христа. Манефон записал в своем тексте имена всех властителей Египта, начиная с мифологических времен. См. E. von Dassow, *Temporality and Periodization in Ancient Near Eastern History*, „Social Science History” 2012, vol. 36, No. 1, p. 117.

²¹ Д.С. Мережковский, *Мессия...*, с. 225.

ской письменности, которая была дискурсом, учитывающим ценности власти и вечности²². Существенным контрастным примером, подчеркивающим изменение осмысления времени, его рационализацию и веру в значение маленьких единиц, отмериваемых механическими часами в начале XIX века может служить мнение героя романа *Александр I*: „– День, час и минуту по хронометру! [*Александр I*, VIII, 101]”²³.

Герменевтика вечности

Для мыслителей Серебряного века существенным метафизическим и мировоззренческим вопросом было соотношение времени и вечности²⁴. Мережковский не является исключением в этом плане. Писатель разрабатывает в своих текстах идею интерпретации произведений мировой и русской литератур, относящихся к разным эпохам истории культуры. Пытаясь

²² См. J. Assmann, *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Я пользуюсь польским изданием: J. Assmann, *Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych*, przeł. A. Kryczyńska-Pham, Warszawa 2015, с. 184.

²³ См. N. Elias, *Über die Zeit*, Frankfurt 1984. Я пользуюсь польским изданием: N. Elias, *Esej o czasie*, przeł. A. Łobożewicz, Warszawa 2017, с. 41.

²⁴ См. А.А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала XX века. Космическая символика*, Санкт-Петербург 2003, с. 67-82. Автор обращает внимание особенно на разные аспекты соотношения времени и вечности (связь мига и вечности, идея реки времен, энантиодромия, архетипы кругообразного) в художественном творчестве В. Иванова, А. Белого, М. Волошина К. Бальмонта, и в мысли В. Соловьева, П. Флоренского. См. также: В.П. Троицкий, *Об одной модели времени у Вяч. Иванова*, „Символ” 2008, № 53-54: „Вячеслав Иванов: несобранное и неизданное”, с. 815-825; его же: *Гераклитова „энантиодромия” в космологических образах Серебряного века*, [в:] *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи*, отв. ред. Е.А. Тахо-Годи, Москва 2010, с. 120-127; В.В. Петров, *Разнотекущие потоки в „Сне Мелампа” Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ*, „Europa Orientalis. Studies and Researches on Eastern European countries” 2017, № 29: „Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова. К 150-летию Вяч. Иванова”, ред. М.Б. Плюханова, А.Б. Шишкин, с. 23-54; его же, *Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина*, [в:] *Вячеслав Иванов: исследования и материалы*, Вып. 3, сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. Москва 2018, с. 13-65; A. Dudek, *Viacheslav Ivanov's Concept of Time*, [in:] *Neo-Formalist Papers. Contributions to the Silver Jubilee Conference to Mark 25 Years of the Neo-Formalist Circle*, ed. by J. Andrew and R. Reid, Studies in Slavic Literatures and Poetics, vol. 32, Amsterdam-Atlanta 1998, pp.30-44; его же, *Концепция времени в поэтическом творчестве Валерия Брюсова*, [в:] *Брюсовские чтения 2013 года*, ред. кол. Г.Р. Гаспарян, В.В. Полонский, и др., Ереван 2014, с. 135-150.

обнаружить тайну текстов культуры, возникших в разные времена, сохранять свою актуальность и непогашенную универсальность для читателей очередных эпох, Мережковский обосновывает метод интерпретации произведений, который, в своей сущности, оказывается своеобразной „герменевтикой вечности”. В разработанной автором *Смерти богов* концепции²⁵ появляются основные для этого эпистемологического подхода категории проникновения²⁶, духа времени²⁷, идея текстов, которые в каждую эпоху передают универсальные, вечные значения и смыслы, апеллируя к переменчивым формам человеческой впечатлительности²⁸. Метод современного раскрытия универсальных значений и ценностей, отраженных в текстах

²⁵ См. Н.К. Бонецкая, *Дух Серебряного века (феноменология эпохи)*, Москва-Санкт-Петербург 2016, с. 510. По определению автора книги, герменевтика Мережковского – это „герменевтика великой личности”, возникшая под влиянием Ницше и Карлейля (с. 515).

²⁶ „Проникновение” – это одна из основных эпистемологических категорий в творчестве Мережковского, с помощью которой определяется иррациональное постижение/понимание недоступной логическому познанию правды, а также указание на неочевидный способ коммуникации людей, вещей и природного мира. Ср. например: „Шекспир в Дездемону, Гёте в Гретхен, Пушкин в Татьяну проникают проникновением художественным, т. е. все-таки внешним, мужским; Тургеневу не нужно проникать в женщину извне: он видит ее изнутри” [*Поэт вечной женственности*, [в:] Д.С. Мережковский, *Было и будет. Невоенный дневник*, Москва 2001, с. 338-339]; „Мы видим природу, как чужое тело, извне; он видит ее, как свое, – изнутри. Мимо всех отягчающих нас подробностей, – стольких „сучков и бревен” в нашем глазу, – он схватывает предмет и проникает в душу его одной-единственной, духовной чертой” [*Тайна Запада: Атлантида-Европа*, [в:] Д.С. Мережковский, *Собрание сочинений в 20 томах*, т. 14: *Тайна Трех*, Москва 2017, с. 342]. „Проникновение” – особенно важная идея в предложенной Вячеславом Ивановым диалогической концепции самопознания и утверждения Другого. См. К. Гидини, *Литературная критика и герменевтика в работах Иванова о Достоевском. Некоторые общие замечания*, [в:] Vjaceslav Ivanov: *Russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav-Ivanov-Symposiums*, Heidelberg 4-10, September 1989, hrsg. W. Potthoff, Heidelberg 1993, с. 195-197; М. Cymborska-Leboda, *Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви*, Lublin 2002, с. 45.

²⁷ „Дух времени” был понятием, присущим философскому дискурсу уже в XVIII в. О. Матвейчев, считает, что это понятие было введено в научный обиход немецким историком и философом Дитрихом Тидеманом (Dietrich Tiedemann 1748-1803), автором тракта *Дух спекулятивной философии* (1791-1797). У Тидемана это понятие выражало убеждение в тесной „связи философии с другими сферами жизни общества – политикой, правом, литературой, моралью, модой”. См. О.А. Матвейчев, *К дискуссии о генезисе древнегреческой философии*, „Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук” 2016, т. 16, вып. 4, с. 7-8. Следует также обратить внимание на факт, что уже раньше в европейской философии появлялись попытки употребить термин „дух” – в значении принципа воплощения философских идей в характер активности человека и общества. Примером может служить трактат Монтескье *О духе законов* (1748).

²⁸ В.В. Бычков, *Русская теургическая эстетика*, Москва 2007, с. 136.

культуры минувших эпох и являющихся проявлением свойственного эпохе „духа культуры” это идейный стержень цикла эссе 1896 года *Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы*: „Именно в том и заключается величие великих, что время их не уничтожает, а обновляет: каждый новый век дает им как бы новое тело, новую душу, по образу и подобию своему” [*Вечные спутники*, XVII, 5]. *Вечные спутники* считаются также своеобразным учредительным актом проповедуемого Мережковским нового метода анализа литературного произведения – так называемой „субъективной критики”, способствующей открытию читателем возникшей „в мирозерцании критика” [*Вечные спутники*, XVII, 6] интерпретации тайны вечно живых, универсальных в своем значении текстов²⁹.

Категория „духа времени” оказывается особенно продуктивной в принятых Мережковским попытках воспроизвести картину минувших эпох. С одной стороны, при нескрываемой иронической установке писателя, фраза „дух времени” синтетически определяет неодобряемые Мережковским, но свойственные обществу и культуре минувших столетий примеры гонений на свободу (особенно религиозную) и порабощения личности („Главное оправдание Кальвина, не только в те дни, но и в наши, – так называемый „дух времени”, которым, будто бы, тогда оправдывалось в делах веры всякое насилие”³⁰), или применяемые противниками Просвещения обвинения в свойственном этой культуре атеизме и революционизме: „Так называемый дух времени есть дух безбожья, дух революции, дух, истребленьем и убийствами дышащий, от коего гибнет власть, умолкает закон, потрясаются престолы и кровавое буйство свирепствует” [*Александр I*, VII, 172]. В приведенном высказывании министра Александра Шишкова понятие „дух времени” оказывается политическим ярлыком, синтетически отражавшим саркастическое отношение к неодобряемому способу мышления. Однако, роль этого определения сразу обесценивается приведенными характеристиками героя романа: „Шишков был изувер в политике. Сочиненный им цензурный устав называли «чугунным», его самого – «гасильником», а министерство просвещения – «министерством затмения»” [*Александр I*, VII, 172].

С другой стороны, в фундаментальном, критическом исследовании Мережковского *Л. Толстой и Достоевский* (1898 – 1902) категория „духа времени”, (в синонимических вариантах: „дух истории”, „историческая окраска”,

²⁹ Там же, с. 135. См. также: А.А. Холиков, *Прижизненное „Полное собрание сочинений” Дмитрия Мережковского...*, с. 95.

³⁰ Д.С. Мережковский, *Кальвин*, [в:] его же, *Реформаторы. Испанские мистики*, Москва 2002, с. 211.

„особенный воздух”, который свойствен каждому веку, „нигде и никогда не повторяющийся запах”, „особенный отблеск исторического часа” [*Л. Толстой и Достоевский*, X, 29] наделяется важными семантическими признаками. Писатель убежден в том, что эта категория является очень существенной для характеристики и понимания минувших этапов развития культуры. „Дух времени”, по Мережковскому, отражается в любых проявлениях данной эпохи, как „в изречениях мудрецов, в подвигах героев”, так и в моде и повседневной жизни. Несмотря на убеждение в том, что наличие общей для данного времени совокупности факторов, систем ценностей, образцов поведения, эстетических предпочтений и канонов, по мнению Мережковского бесспорно, но „дух времени” это категория почти недоступная для точного вербального определения [*Л. Толстой и Достоевский*, X, 29]. В этом ракурсе оказывается, что „дух времени” это одно из существеннейших понятий разработанного Мережковским метода субъективной критики.

В попытках осмысления „что есть вечность” Мережковский в своих эссе, а главным образом в книге *Л. Толстой и Достоевский*, анализирует запечатленные как в русской, так и в мировой литературах определения вечности, обращая внимание на их зависимость от ценностной ориентации человека³¹. Особенно яркими и шокирующими являются приводимые высказывания героев атеистического и нигилистического толка (примером могут служить высказывания Свидрыгайлова, которому вечность представляется в образе грязной комнатки, выполненной пауками [*Л. Толстой и Достоевский*, XI, 167] и желание Кириллова, материализовать, связать с телесными ощущениями человека виденье вечной гармонии:

Сверхчувственный опыт у него неразрывно связан с опытом чувственным, с очень определенным физическим ощущением, состоянием тела, предшествующим у Кириллова, так же как у Идиота, припадкам „священной болезни”, эпилепсии. Чувство „вечной гармонии” длится, по наблюдению Кириллова, не более „пяти секунд”. „Если более, то душа не выдержит и должна исчезнуть. Человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть” [*Л. Толстой и Достоевский*, XII, 188-189. Фразы выделены М.].

В интерпретации Мережковского, Кирилловская вера в вечную жизнь отличается от апокалипсического пророчества о конце времен и отсутствии

³¹ Ценностная ориентация – это концепция цельной связи места человека в природе и отношения человека к человеку. Теория ценностной ориентации (value-orientation theory) была создана Клайдом Клакхоном. См. C. Kluckhohn, *Values and Value-Orientations in the Theory of Action*, [in:] *Toward a General Theory of Action*, ed. by T. Parsons E. Shils, New York and Evanston 1962, p. 411.

времени в новых обстоятельствах [Отк. 10: 6], тем, что герой Достоевского верит не в будущую, а в „здешнюю вечную жизнь”. Идея Кириллова кажется Мережковскому доведенным до логического предела смутным Ницшеанским концептом „вечного возвращения” [Л. Толстой и Достоевский, X, 114-115; XII, 188].

По мнению Мережковского, десакрализация образа вечности в случае страдающих нигилистов – представленных Достоевским людей, которых „мучил Бог”, [Л. Толстой и Достоевский, X, 103] это результат их безверия и ощущения метафизической пустоты или же, с другой стороны, веры в возможность обожествления и освящения человека путем отрицания Бога и неприятия необходимости учесть метафизическую перспективу антропологии [Л. Толстой и Достоевский, X, 117-119].

Мережковский прилагает к анализу смысла вечности положения теории символа, отысканные в известной формуле „Alles vergängliche ist nur ein Gleichnis” („Все преходящее есть только подобие”, – есть только образ, только символ” [Л. Толстой и Достоевский, X, 39]), высказанной мистическим хором во II части *Фауста*, вдохновлявшей особенно младших символистов³². Лозунг, ставший залогом их концепции символа, в интерпретации Мережковского оказывается прежде всего призыванием доценить земное, преходящее, смертное, невечное, не унижать его, так как это для человека единственный доступный источник информации о вечном, непреходящем, бессмертном. Поскольку эта информация, по принципу, имеет характер неточной аналогии, неясного образа, нестабильного явления, она должна восприниматься путем символического созерцания – единственно доступным человеку методом восхождения к Богу, так как „нет у нас иных путей восхождения, иных ступеней к Богу, кроме «подобий», «явлений», «символов» – не бесплотных и не бескровных, а облеченных в самую живую плоть и кровь” [Л. Толстой и Достоевский, X, 39]. Таким образом, на уровне темпоральной рефлексии, отражается одна из основных лейтмотивных идей в творчестве Мережковского – убеждение в необходимости доценения обновленным христианством, попранных до сих пор ценностей земли, тела, плоти и пола [Л. Толстой и Достоевский, X, 39]. С этой точки зрения интерпретируется и моральная дилемма Ивана Карамазова, и общий принцип связи временного и вечного: „Слезинка замученного ребенка это явление во времени, «но перед Богом имеет она и вечное, нуменальное значение, как символ»” [Л. Толстой и Достоевский, XII, 131].

³² См. М. Wachtel, *Russian Symbolism and Literary Tradition. Goethe. Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov*, Madison 1994, p. 62-77.

Писатель обращает внимание на представленные в творчестве Л. Толстого и Ф. Достоевского мотивы прозрения, видения вечности, которые на мгновение, под влиянием драматического опыта, или в моменты припадков падухей – „священной болезни”, от которой страдают, позволяют узнать и узреть смысл вечности [Л. Толстой и Достоевский, IX, 110]. К таким мгновенным прозрениям принадлежит и видение Алеши Карамазова, и момент когда князь Мышкин начинает понимать слова апокалипсического Ангела о том, что времени не будет, и ощущения умирающего князя Болконского, и время вызванных родами Китти переживаний Левина. Эти мгновения воспринимаются Мережковским как просветы в реальной жизни, моменты „прикосновения души к мирам иным” [Л. Толстой и Достоевский, XII, 262-263].

Апокалипсические чаяния, ожидание конца времени – типичные настроения конца XIX века – для Мережковского стали стимулом для создания собственной историософской концепции, вдохновленной идеями Иоахима Флорского, средневекового аббата из Калабрии, который попытался интерпретировать историю человечества сквозь призму Библии и предсказывал наступление в конце времен, эпохи Святого Духа, называемой также эпохой Третьего Завета³³. Как и в средневековом первоисточнике, Мережковский надеется на новую эру, в которой устранены будут все недостатки так называемого „исторического христианства” [Последний святой, XIII, 154]³⁴, а земля, тело и плоть, погрязшие в искаженной интерпретацией учения Христа, будут считаться святыми³⁵.

В историософском дискурсе Мережковского появляются понятия, которым писатель придает значение вечных формул, по его мнению, определяющих суть механизмов функционирования Вселенной. По Мережковскому, многие универсальные, неподвластные времени начала космоса укладываются в дуальные модели, охватывающие противоборствующие стихии. Под влиянием ницшеанских характеристик Диониса и Аполлона³⁶, русский писатель выстраивает цепь полярных принципов порядка мира, из которых

³³ T. Manteuffel, *W oczekiwaniu ery wolności o pokoju. Historiozofia Joachima z Fiore*, „Przegląd Historyczny” 1969, t. 60, z. 2., с. 250.

³⁴ Д. Мережковский, Франциск Ассизский, [в:] его же, *Лица святых от Иисуса к нам*, Москва 2000, с. 193. См. также: A. Dudek, „Historyczne” i „nowe” chrześcijaństwo w refleksji Dymitra Mieżkowskiego, [w:] *Prace Komisji Kultury Słowian PAU*, т. 6, под ред. L. Suchanka, Kraków 2007, s. 73-87.

³⁵ См. A. Dudek, *Dymitr Mieżkowski w kręgu idei historiozoficznych Joachima z Fiore, Hegla i Towiańskiego*, [в:] *Literatury wschodniosłowiańskie w kręgu europejskich idei estetyczno-filozoficznych*, под ред. A. Wieczorek, Opole 2007, с. 63-71 (*Studia i szkice slawistyczne*, 8).

³⁶ Ф. Ницше, *Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм*, пер. Г.А. Рачинского, [в:] его же, *Сочинения в двух томах*, т. 1, Москва 1996, с. 59.

каждый именуется вечным: это сопоставления, одновременно отталкивающих и притягивающих друг друга начал божественного и демонического, идеализма и реализма, веры и знания, „я” и „не-я”, культуры и природы³⁷. В этом мире „двоящихся мыслей” – как Бердяев определил творчество Мережковского³⁸ – раздор, считается постоянным, то есть вечным правилом мира, которое может быть отменено лишь в новом измерении действительности Третьего Завета.

В произведениях, созданных после 1917 года (особенно в трилогии *Тайна Трех*), обращает внимание осуществленный замысел писателя представить историю человечества, развивавшегося в троичном ритме наступавших эпох: Преистории, Истории и Конца³⁹ (или в других вариантах номинации: Атлантиды, Истории, Апокалипсиса, или: первого, второго и третьего человечества⁴⁰). Упомянутые тексты приносят также проникновения в суть соотношения времени и вечности и определения их основных признаков. Мережковский подчеркивает, что фактором, различающим время и вечность является наличие движения: оно воспринимается как аспект времени. Вечность же знаменует бездвижность⁴¹.

В творчестве Мережковского важным контекстом для размышлений о проблеме соотношения времени и вечности являются знания, представления, предположения, интерпретации писателя о жизни, деятельности, учении Христа и роли его личности в христианстве, представленные в обширном эссе *Иисус Неизвестный*. Этот опыт богословского и исторического размышления, среди разных аспектов христологии указывает на возможность определить суть времени и вечности, учитывая соединение божественной и человеческой ипостасей в личности Иисуса Христа⁴²: „Как бы две меры перемежаются в Нем: мера Сына человеческого – время, и мера сына Божьего – вечность”⁴³. По мнению Мережковского, в Иисусе, за трид-

³⁷ Д.С. Мережковский, *Франциск Ассизский...*, с. 191-193.

³⁸ „Тайна Мережковского и есть тайна двоения, двоящихся мыслей, а не тайна синтеза, не тайна троичности”. См. Н. Бердяев, *Новое христианство (Д.С. Мережковский)*, [в:] Д.С. Мережковский. *Pro et contra. Личность и творчество Мережковского в оценке современников. Антология*, Санкт-Петербург 2001, с. 335.

³⁹ Д.С. Мережковский, *Тайна Запада: Атлантида-Европа*, [в:] его же, *Собрание сочинений*, т. 14: *Тайна Трех...*, с. 234.

⁴⁰ Там же, с. 236, 358.

⁴¹ Д.С. Мережковский, *Иисус Неизвестный*, Москва 2007, с. 52.

⁴² См. V. Lossky, *Théologie mystique de l'Église d'Orient*. Я пользуюсь польским изданием: W. Łoski, *Teologia mistyczna Kościoła Wschodniego*, przeł. M. Szczaniecka, Warszawa 1989, с. 128-132.

⁴³ Д.С. Мережковский, *Иисус Неизвестный...*, с. 300.

цать лет его утаенной жизни на земле, рождается Христос (хотя в вечности Он уже родился). Таким образом, как считает писатель, за первых тридцать лет своей земной жизни Иисус узнает во времени вечность⁴⁴. В упомянутом процессе узнавания проявляется и один из признаков человеческой ипостаси Сына Божьего. Если для человечества время, как указано выше, доставляет лишь символическую возможность познать знаки вечности, то для Иисуса, в связи с „асимметричностью” Его обеих ипостасей (первенством божественной природы⁴⁵), познание вечности во времени, по Мережковскому, реально: оно имеет форму воспоминания⁴⁶. Русский писатель, повторяя убеждение христианской мысли⁴⁷, считает Иисуса Христа началом и концом времен⁴⁸. В контексте всех частей трилогии *Тайна Трех (Египет и Вавилон, Тайна Запада. Атлантида-Европа, Иисус Неизвестный)* Христос воспринимается как отправная точка-образец для интерпретации всех эпох. По отношению к временам до Рождества Христова, Мережковский пользуется категориями подобия, аналогии, предсказующей тени, которую бросает Христос на эпохи, предшествующие Воплощению Слова („Только тенью нашего креста был тот, критский, как только тенью жертвы Голгофской, был тот, безыменный, бог, но святостью тела и тень свята”⁴⁹).

В эссе о святом Павле Мережковский обращает внимание также на тайну вечности, которая вписана в природу арамейского языка. В его лексико-семантической практике вечность оказывается подобной мгновению:

Слово „вечный” на арамейском языке Иисуса не имеет вовсе того отвлеченно-метафизического смысла „бесконечного времени”, как греческое слово αἰώνιον, и слова того же смысла, на философском языке, от Аристотеля до Канта. „Вечность”, „век”, αἰών, на языке Иисуса, так же подобна мигу, как и бесконечно длительному времени⁵⁰.

⁴⁴ Там же, с. 102, 109.

⁴⁵ J. Meyendorff, *Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes*. Я пользуюсь польским изданием: J. Meyendorff, *Teologia bizantyjska. Historia i doktryna*, przeł. J. Prokopiuk, Warszawa 1984, с. 199; W. Łoski, *Teologia mistyczna...*, с. 128.

⁴⁶ Д.С. Мережковский, *Иисус Неизвестный...*, с. 109.

⁴⁷ См. G. Pattaro, *The Christian coception of time*. Пользуюсь польским переводом: G. Pattaro, *Pojmowanie czasu w chrześcijaństwie*, przeł. B. Chwedeńczuk, [в:] *Czas w kulturze*, wybrał, oprac. wstępem opatrzył A. Zajączkowski, Warszawa 1988, с. 295.

⁴⁸ Д.С. Мережковский, *Иисус Неизвестный...*, с. 149.

⁴⁹ Д.С. Мережковский, *Тайна Запада: Атлантида-Европа...*, с. 384.

⁵⁰ Д.С. Мережковский, *Павел. Августин*, [в:] его же, *Лица святых...*, с. 50.

Время как вопрос теории и истории литературы и искусства

Мережковский задумывается также над способом отражения ритмов времени в искусстве и литературе. Его внимание сосредоточивается на способах конструирования личности литературных героев произведений, возникших в переходные эпохи. В эссе о Гончарове (из цикла *Вечные спутники*) писатель подчеркивает, что как раз в характерах персонажей замечается недостаток цельности и полноты:

Их убеждения, верования принадлежат новому времени; привычки, темперамент – прошлому. Побеждает в большинстве случаев не разум, а инстинкт; не убеждения, а темперамент; отжившее торжествует над живым, и человек гибнет жертвой этой борьбы. Так гибнет в пошлости Александр Адуев, в апатии – Обломов, в дилетантизме – Райский [*Вечные спутники*, XVIII, 46].

В концепции Мережковского отражением духа времени является также стиль литературы и искусства. В эссе о Плинии Младшем подчеркивается, что приближение времени упадка римской культуры знаменуется кратким периодом красоты и выразительности стиля, зрелостью и сочностью языка [*Вечные спутники*, XVII, 50]. С другой стороны, стиль ампира, являющийся „отблеском наполеоновского времени” замечен не только в области искусства слова, в слоге юридических документов, но также в вышивке туники императрицы Жозефины, в архитектуре и оформлении мебели [*Л. Толстой и Достоевский*, X, 29].

Подводя итог, обратим внимание на следующие аспекты вопроса времени в творчестве Дмитрия Мережковского:

- а) тексты автора *Юлиана Отступника* обилуют мотивами, представленными в форме как литературных образов, так и прямо выраженных суждений о разных вопросах философии времени;
- б) мысли о времени образуют цельную идейно-художественную концепцию, в которой отражаются основные для писателя положения о противопоставлении „старого” и ожидаемого „нового” христианства, а также характерные для рубежа XIX-XX веков эсхатологические чаяния;
- в) лейтмотивные оппозиции времени и вечности, вечности и мгновения, начала и конца в темпоральной рефлексии Мережковского отражают характерную для творчества писателя склонность применять бинарные формулы в конструкции картины мира;

- г) в предложенной Мережковским концепции „субъективной критики” существенную роль играет герменевтическая категория „духа времени”;
- д) рефлексия Мережковского о разных аспектах философии времени обнаруживает огромнейшую эрудицию автора, вдохновленного древней и новой философской мыслью а также современными научными работами в области истории, литературоведения и антропологии.

Библиография

- Андрущенко Е.А., *Властелин „чужого”: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского*, Москва 2012.
- Бердяев Н., *Новое христианство (Д.С.Мережковский)*, [в:] Д.С. Мережковский. *Pro et contra. Личность и творчество Мережковского в оценке современников. Антология*, Санкт-Петербург 2001.
- Бонецкая Н.К., *Дух Серебряного века (феноменология эпохи)*, Москва – Санкт-Петербург 2016.
- Бычков В.В., *Русская теургическая эстетика*, Москва 2007.
- Гидини К., *Литературная критика и герменевтика в работах Иванова о Достоевском. Некоторые общие замечания*, [в:] Vjaceslav Ivanov: *Russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav-Ivanov-Symposiums*, Heidelberg 4-10, September 1989, hrsg. W. Potthoff, Heidelberg 1993.
- Гиппус-Мережковская З.Н., *Дмитрий Мережковский*, Париж 1951.
- Достоевский Ф.М., *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 7: *Бесы*, Ленинград 1988-1996.
- Живов В., *Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы*, Москва 2004.
- Лавров А.В., *История как мистерия. Египетская диалогия Д.С. Мережковского*, [в:] Д.С. Мережковский, *Мессия*, Санкт-Петербург 2000.
- Лотман Ю., *К семиотической типологии русской культуры XVIII в.*, [в:] его же, *История и типология русской культуры*, Санкт-Петербург 2002.
- Матвейчев О.А., *К дискуссии о генезисе древнегреческой философии*, „Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук” 2016, т. 16, вып. 4.
- Мережковский Д.С., *14 декабря*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 4, Москва 1990.
- Мережковский Д.С., *Было и будет. Невоенный дневник*, Москва 2001.
- Мережковский Д., *Иисус Неизвестный*, Москва 2007.
- Мережковский Д.С., *Кальвин*, [в:] его же, *Реформаторы. Испанские мистики*, Москва 2002.
- Мережковский Д.С., *Мессия*, Санкт-Петербург 2000.
- Мережковский Д.С., *Наполеон*, [в:] его же, *Данте. Наполеон*, Москва 2000, с. 243-540.
- Мережковский Д.С., *Павел. Августин*, [в:] его же, *Лица святых от Иисуса к нам*, Москва 2000.

- Мережковский Д.С., *Полное собрание сочинений в 24 томах*, Москва 1914.
- *Антихрист (Петр и Алексей)*, т. 4, т. 5.
 - *Александр I*, т. 6, т. 7, т. 8.
 - *Воскресшие боги. Леонардо да Винчи*, т. 2, т. 3.
 - *Л. Толстой и Достоевский*, т. 9, т. 10, т. 11, т. 12.
 - *Последний святой*, т. 13.
- Мережковский Д.С., *Собрание сочинений в 20 томах*, т. 14: *Тайна Трех*, Москва 2017.
- Мережковский Д.С., *Франциск Ассизский*, [в:] его же, *Лица святых от Иисуса к нам*, Москва 2000.
- Ницше Ф., *Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм*, пер. Г.А. Рачинского, [в:] его же *Сочинения в двух томах*, т. 1, Москва 1996.
- Петров В.В., *Разнотекущие потоки в „Сне Мелампа” Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ*, „Europa Orientalis. Studies and Researches on Eastern European countries” 2017, № 29: „Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова. К 150-летию Вяч. Иванова”, ред. М.Б. Плеханова, А.Б. Шишкин.
- Петров В.В., *Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина*, [в:] *Вячеслав Иванов: исследования и материалы*, вып. 3, сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин, Москва 2018.
- Троицкий В.П., *Об одной модели времени у Вяч. Иванова*, „Символ” 2008, № 53-54: „Вячеслав Иванов: несобранное и неизданное”.
- Троицкий В.П., *Гераклитова „энантиодромия” в космологических образах Серебряного века*, [в:] *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи*, отв. ред. Е.А. Тахо-Годи, Москва 2010.
- Ханзен-Лёве А.А., *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика*, Санкт-Петербург 2003.
- Холиков А.А., *Прижизненное „Полное собрание сочинений” Дмитрия Мережковского. Текстология. История Литературы. Поэтика*, Москва – Санкт-Петербург 2014.
- Assmann J., *Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych*, przeł. A. Kryczyńska-Pham, Warszawa 2015.
- Cymborska-Leboda M., *Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви*, Lublin 2002.
- Dassow E. von, *Temporality and Periodization in Ancient Near Eastern History*, „Social ScienceHistory” 2012, vol. 36, No. 1, <https://doi.org/10.1017/S0145553200010397>.
- Dudek A., *Dymitr Miereżkowski w kręgu idei historiozoficznych Joachima z Fiore, Hegla i Towiańskiego*, [w:] *Literatury wschodniosłowiańskie w kręgu europejskich idei estetyczno-filozoficznych*, pod red. A. Wieczorek, Opole 2007 (seria *Studia i szkice slawistyczne*, 8).
- Dudek A., „Historyczne” i „nowe” chrześcijaństwo w refleksji Dymitra Miereżkowskiego, [w:] *Prace Komisji Kultury Słowian PAU*, t. 6, pod red. L. Suchanka, Kraków 2007.
- Dudek A., *Viacheslav Ivanov's Concept of Time*, [in:] *Neo-Formalist Papers. Contributions to the Silver Jubilee Conference to Mark 25 Years of the Neo-Formalist Circle*, ed. by J. Andrew and R. Reid, *Studies in Slavic Literatures and Poetics*, vol. 32, Amsterdam-Atlanta 1998.

- Dudek A., *Концепция времени в поэтическом творчестве Валерия Брюсова*, [w:] *Брюсовские чтения 2013 года*, ред. кол. Г.Р. Гаспарян, В.В. Полонский, и др., Ереван 2014.
- Duvignaud J., *Dar z niczego. O antropologii święta*, przeł. Ł. Jurasz Dudzik, Warszawa 2011.
- Dyczewski L., *Święto i jego kulturotwórcza rola*, „Kultura i Społeczeństwo” 2012, № 4: „Świętowanie i styl życia”, s. 3-24.
- Elias N., *Esej o czasie*, przeł. A. Łobożewicz, Warszawa 2017, <https://doi.org/10.31338/uw.9788323524281>.
- Fraser J. T., *The Study of Time*, [in:] *Proceedings of the First Conference of the International Society for the Study of Time*, ed. by J.T. Fraser, F.C. Haber, G H. Müller, Berlin – Heidelberg – New York 1972.
- Kluckhohn C., *Values and Value-Orientations in the Theory of Action*, [in:] *Toward a General Theory of Action*, ed. by T. Parsons E. Shils, New York and Evanston 1962.
- Łosski W., *Teologia mistyczna Kościoła Wschodniego*, przeł. M. Szczaniecka, Warszawa 1989.
- Manteuffel T., *W oczekiwaniu ery wolności o pokoju. Historiozofia Joachima z Fiore*, „Przegląd Historyczny” 1969, t. LX, z. 2.
- Meyendorff J., *Teologia bizantyjska. Historia i doktryna*, przeł. J. Prokopiuk, Warszawa 1984.
- Pattaro G., *Pojmowanie czasu w chrześcijaństwie*, przeł. B. Chwedeńczuk, [w:] *Czas w kulturze*, wybrał, oprac. wstępem opatrzył A. Zajączkowski, Warszawa 1988.
- Sancti Aurelii Augustini, *Confessiones*. Блаженный Августин, *Исповедь*, пер. А. Сергиенко, отв. ред. Н. Казанский, Санкт-Петербург 2013 (Серия: Литературные памятники).
- Serczyk W., *Piotr I Wielki*, Wrocław 1990.
- Van der Leeuw G., *Fenomenologia religii*, przeł. J. Prokopiuk, Warszawa 1997.
- Wachtel M., *Russian Symbolism and Literary Tradition. Goethe. Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanow*, Madison 1994.
- Whitrow G.J., *Czas w dziejach. Poglądy na czas od prehistorii po dzień dzisiejszy*, przeł. B. Orłowski, Warszawa 2004.

Informacja o Autorze

Andrzej Dudek (Андрей Дудек) – dr hab, prof. UJ, kierownik Zakładu Antropologii Kultury Rosyjskiej w Instytucie Rosji i Europy Wschodniej na Wydziale Studiów Międzynarodowych i Politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie .
 e-mail: andrzej.dudek@uj.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0002-0265-5233>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

